

салон

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ "ЗАВТРА"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 32525.

МУЗ-ОН

ХУК СПРАВА. "Биология над идеологией" ("Obraz records") 2010

ЭТО ТРЕТИЙ номерной альбом московской группы, и он не похож ни на дебютное "Демо", ни на "Чёрно-белый режим", ни на акустический "Над вечными спорами..." "Хук Справа" вскоре отметит пять лет с момента основания. За это время оригинальный состав поменялся практически полностью, в строю только основатель, вокалист и автор текстов Сергей "Ой-Эй!". Не обошлось без трагического — первый гитарист "ХС" временно ушёл из жизни.

Работу над материалом музыканты начали ещё в конце ноября 2009 года, музыкальная часть была полностью отписана к середине марта 2010 года, много времени заняли оформление и выпуск пластинок.

Альбом создан в основном в творческом тандеме — Сергей "Ой-Эй!" (лирика) и Антон "Чех" (музыка и аранжировки). Одна из находок пластины — "живые" ударные, которые были записаны другом "ХС" Эриком Рихтером из итальянской группы "Ultima Frontiera".

"Биология над идеологией" — классические "роковые" сорок минут, десять композиций. Восемь новых песен, две — свежие версии известных и популярных номеров. Пластина довольно цельная, пожалуй, только история про "полярную державу" несколько выпадает из монолитного альбома.

"Мы тешим себя надеждой на то, что довольно своеобразная для нашей сцены подача материала как музыкального, так и визуального будет воспринята так, как должна быть воспринята. Как всегда, постарались отойти от всяческих канонов сцены: в альбоме мало грусти, почти нет баллада, зато очень много задора, веселой элозии, сатиры. В целом мы видим в подобной подаче наш последующий путь."

Меньше пафоса и страданий, поменьше штампов и заезженных до скрипа оборотов, хватит грусти. Её и так хватает повсюду. Пусть музыка будет острой, веселой, в какой-то степени злой. И оригинальной.

С музыкальной точки зрения и с точки зрения аранжировки — искромётный панк-рок, с хорами и баками, захватывающими ритмами и некоторыми фишками, которые вообще не характерны для нашей Правой сцены", — говорят музыканты.

По выходу альбома ряд поклонников остались в недоумении — мало "правого", "тяжёлого", "агрессивного звучания". Но "ХС" держит свою линию — никаких штампов, устоявшихся форм, заезженных клише. Ценности, линия фронта неизменны. Таков "единственный путь" для "Хука Справа". Всё остальное — в движении, в становлении. Непростая задача — совместить идейный заряд и рок-н-рольный драйв. "Биология над идеологией" — тот случай, когда слоган "слушать громко" абсолютно оправдан.

Недавно на страницах "Завтра" коллеги размышляли о прерванной линии русской национальной идеи, об отсутствии связей между молодым поколением и ветеранами русского национализма. Действительно, общее движение не наблюдается (могло ли оно быть вообще?), но принципиальные вещи каждый оставляет на своей площадке.

"Нация, по сути — большой растекающийся род, и зовы крови неминуемы, и отзываются они во времени самым неожиданным образом. Страдание по национальному — это инстинктивное, природное желание уцелеть в будущей памяти, ибо есть негласное, неписанное обязательство рода крепить незримую цепь; у раба этого обязательства нет, как и тощего тело", меж тем, тайно-но веруют в сохранность своей общины", — так писал ещё два десятилетия назад легендарный писатель Владимир Липунин. Под этими строками, думаю, подпишется и "Хук Справа".

Идеология здесь — почти что "ложное сознание". Не случайно само слово на обложке пластины непочтительно выложено разноцветными буквами и перевернуто. То, что заимствовано, всегда может измениться. Идеиные споры, тонкости доктрин, исторические ориентиры всегда способны разделить, столкнут. Объединить кровь, "биология". Кровь — не водичка, просто так не отпустит. Можно ещё вспомнить яшинские строки про то, что именно "кровь возмала против золота, и мятеж её суров".

Но свой "мятеж" против современного мира "Хук Справа" (и "Русский Образ" в целом) предпочитают проводить весело и креативно. Картины Васи Ложкина в подарок соратнику, каверы на песни группы "Ленинград", кадры из мультфильма "Футурама" в оформлении агитматериалов.

В конце 90-х автора этих строк снимало немецкое телевидение. Программа была посвящена жито-бытию русских праворадикалов. Крайнее неудовольствие журналисты вызывали длинные волосы и улыбка в камеру. Читалось: "Вы мне помаете образ, вы должны быть злыми и мрачными". Дальше в кадр вошёл расолог Владимир Адаев: светлый костюм, бабочка, сама галантность — и немку окончательно заклинило. Нарушилась логика стереотипов.

Когда зависает программа контроля, машина Системы нарушает свой мерный ход. Возникает ранее не существовавшее время, открывая пространство для новых возможностей.

Фигура смеха, "серьёзная несерьёзность", отсутствие реактива в мышлении — неизбежно усиливают движение, претендующее на полноценную альтернативу.

Мы сами строим свою жизнь,
Мы — хозяева своей судьбы,
Вдохни свежий воздух, не поленись,
Обернись, всмотришься, беги, борись,
Пусть энкуи вспомнят о тебе.

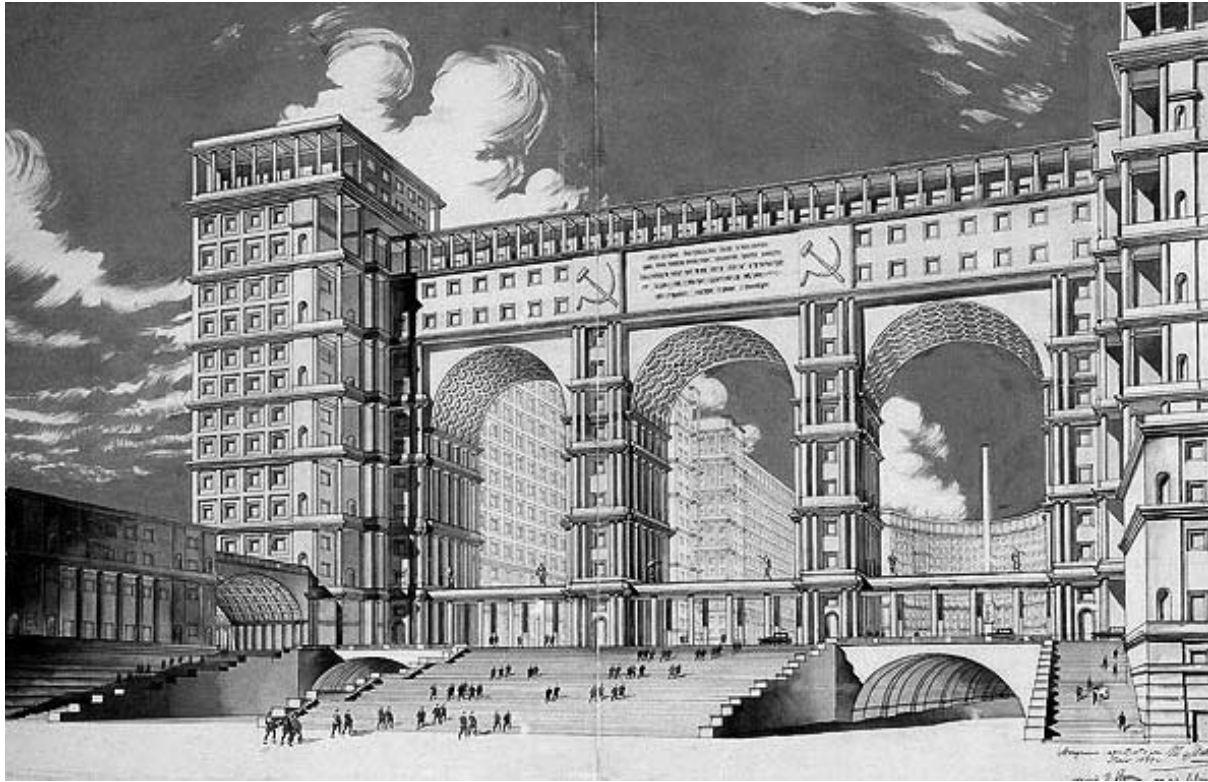
Андрей СМЕРНОВ

В Музее Архитектуры имени А.В. Шусева проходит выставка "Мы создали из Москвы столицу", посвящённую 80-летию Моспроекта-1. На выставке представлены работы архитекторов тридцатых годов XX века, создававших шедевры советского монументализма. Многие из представленных проектов были воплощены в жизнь, но именно на этой выставке можно увидеть ход развития проекта реконструкции Триумфальной площади или строительства Северного Речного вокзала.

ЭТОТ ДОМ мы уже видели, таких полно на севере, на востоке, в Москве, вдоль железной дороги, тянувшейся на юг. Повсюду нас встречает один и тот же вид балконов, покрытие наружных стен, даже краска, которой покрыта штукатурка бетонных блоков.

Уже построенный, сданный в эксплуатацию дом, конечно же, превращается в совсем иной объект, напоминающий улей или муравьиный холм; проходит год, два, десять, и он становится уникальным. Кто-то провёл по стене баллончиком линию, тут пошла трещина, которую замазали прошлой весной, здесь поменяли окна, а там застеклили балкон. И вот перед вами словно бы вылепленный из некоей "строительной субстанции" объект, подобно поношенной паре обуви, отражающий быт жильцов. Кажется, что если дотошно снять тончайшие внешние показатели с этого строения, то удастся восстановить картину жизни обитателей коллективного жилища, подобно тому, как нам удаётся частично заглянуть в прошлое, исследуя поперечный срез ствола дерева.

Пешая прогулка по городу — это всегда созерцание. Город никогда не остаётся статичным, пусть в нём полно однотипных домов, но они изменяются, как настоящий лес. Где-то за прошедший год отреставрировали крышу, а где-то снесли старый бревенчатый дом. Узкие улочки, нависшие над головой деревья, — каждый район неповторим и несёт собственную уникальную атмосферу. Иногда удаётся найти такие места, которые вообще невозможны было бы представить. К примеру, автобусный парк, окружённый

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ МЫСЛИ

пирамидалными тополлями на набережной Москвы-реки, неподалёку от метрополита, соединяющей станции метро "Коломенская" и "Автовзаводская". Этот клочок пространства как будто бы был перенесён туда откуда-то с юга, где пирамидалыне тополя посажены вдоль каждой дороги, пролегающей сквозь бесконечные пространства полей и степей.

Районы, сформировавшие собственную атмосферу, накапливают её, постепенно переставая быть обезличенными "микрорайонами №7" или "Заводским городком". Такие места становятся для посторонних местом нахождения "булочной на углу" или "выгодного продуктового, где в среду завоз ошестей", а для жильцов — родной улочки, родным домом. Их настроение — некое умиротворение, сон, погружение в быт и частичный уют. Они приземлены и в чём-то меркантильны. Есть, конечно же, проекты "особого назначения", когда посреди района высится несколько статных высоток из отборного светло-оранжевого кирпича с огромными окнами, нередко окружёнными заборами. Кажется, что они застыли во времени, словно монолиты, демонстрируя особый статус, но в сердце их проекта неизбежно кроется зерно приземлённости, направленности на повседневно — и в конечном счёте они также оказываются втянуты в бытовую атмосферу окружающих их простанских построек.

Такие улочки тянутся сетью сквозь пространство города, зоны переходят одна в другую, сменяются окру-

жения и смыслы. Здесь в многоквартирном доме расположено множество небольших телекоммуникационных, вся западная стена сплошь покрыта всевозможными антеннами, там — китайское общежитие, возле подъездов летом стоят велосипеды, на балконах постоянно сушится одежда, все окна — обыкновенные, деревянные.

И вроде бы эти антропогенные пространства бесконечны, но вдруг они резко обрываются, упрёвшись в огромный проспект, по которому стремительным потоком мчатся автомобили. Деревья больше не скрывают небо, в ясный день оно пронзительно-синее, словно специально созданное быть фоном точёным линиям. На фоне этого подчёркнуто чистого пространства, наполненного глубиной, высится странное кирпично-крашеное строение — здание Наркомзема.

Почему оно именно такое? — первая пронзающаяся в сознание мысль. Соединение кубических форм, искривление углов, выступающий из округлой стены бортик, похожий на застывшую внутри другого объекта бетонную плиту, будто бы символизирующую остановившееся время, интерпретацию движения природных сил. Или же, наоборот, конструкция, декларирующая превосходство над бранным, сиоиминутным, самим фактом своего существования отторженная от тварного мира? Но конструкция не абсурдная, внутри самой себя подчинённая строжайшей логике. Лишенная симметрии, но обладающая при этом грацией точных геометрических фигур и монументальных инженер-

ных конструкций, аллегория научной мысли первой половины XX века. Особое видение архитектурного объекта как декламации достижений науки и техники.

Кажется, что это здание не привязано ни к какой конкретной эпохе. Сейчас там располагается Министерство сельского хозяйства, но от этого чувство современности не проходит. Оно словно бы было рождено вибрациями небесных сфер, силой бушевавших в начале XX века идей, и так, воплотившись в форме бетона, осталось стоять памятником свободе мысли.

Перед тем, как воплотиться в камне, любой проект существовал на бумаге. В том числе и здание Наркомзема, спроектированное под руководством Алексея Викторовича Шусева. То, что мы видим своими глазами, на улицах города — огромные конструкты времён позднего конструктивизма или же монументальные глыбы "сталинских" построек — это продукт мысли архитектора, уже прошедший через сотню призм, преломлённый и изменённый. На него повлияли тысячи факторов, начиная с мнений участников процесса проектировки, заканчивая ограничениями, накладываемыми материально-технической базой. И лишь с листом бумаги архитектор может оставаться открытым до конца. Лист бумаги не укажет ему на нецелесообразность дополнения ряда колонн или массивного кубического объёма над полукругом сглаженного угла.

Эти проекты оседают в хранилищах за множеством замков, и у нас практически нет никаких шансов увидеть их, особенно если им уже несколько десятилетий. Кроме мало интересной широкой публике чертежей каждой детали здания, всех комнат, коридоров, хозяйственных помещений, элементов фасада, выполненных в проекциях, существует художественная изометрия, архитектурная графика, больше всего подходящая на привычную картину.

В отличие от акварели, созданной художником, изометрический эскиз предельно точен и представляет собой довольно правдоподобное с архитектурной точки зрения изображение здания. При этом за подобным изображением не обязательно стоит проект, разрабатываемый в течение многих лет. Это может быть свободной архитектурной фантазией, предположением, разработкой, исследованием новых концепций, реализацией — на бумаге смелой идеи или вовсе средоточием геометрических объектов. Именно по таким изображениям мы можем уповать архитектурную мысль, заглянуть внутрь процесса создания архитектурных шедевров прошлого.

Удивительно наблюдать за масштабностью мысли. Каждый архитектор той эпохи старался выделить своё здание, сделать его уникальным, но что ещё важнее — практичным. В отличие от проектов массовой застройки, появившихся позднее, эти строения несут в себе частицу величественной космической гармонии, они будто бы стараются оторвать внимание людей от бесконечно затягивающей в себя рутины и заставить их заглянуть дальше, за светящийся горизонт, устремиться ввысь.

Эпоха конструктивизма и сталинской архитектуры миновала, оставив нам множество памятников и множество вопросов. Откуда пришли все эти фантастические идеи? Как они отразились на сегодняшней реальности? Строения молчат, они всё так же непоколебимы и величественны, будто гости из некоего светлого грядущего. Может быть, в архитектурных рисунках их создателей кроются многие ответы?

Алексей КАСМИНИН

Выставка работает до 10 февраля в здании по адресу: ул. Воздвиженка, д.5. Проезд: м. "Библиотека им. Ленина", "Арбатская".
Справки по телефону: + 7 (495) 697-38-74.

АПОСТРОФ

Владислав АЧАЛОВ. Мера воздержания — расстрел. — М.: Книжный мир, 2010. 472 с., 1500 экз.

ВТОРАЯ КНИГА воспоминаний генерал-полковника Владислава Алексеевича Ачалова, посвящённая в основном событиям 1991-93 годов и снабжённая многообещающим то ли подзаголовком, то ли повторением названия первой книги "Я скажу вам правду", ожидалась с немалым интересом. Человек, бывший в центре событий и ГКЧП, и "чёрного октября", разумеется, способен поведать много важного про эти судьбоносные для нашей страны моменты её истории.

Но, видимо, до сих пор существует некая важная причина (или лучше сказать — незримая сила?), которая не даёт ни одному из бывших высокопоставленных советских политиков, военных, чекистов, хозяйственников и т.д. говорить не просто правду, а всю правду, особенно когда дело касается не каких-то обстоятельств личной жизни, а чего-то социального и политически значимого.

"Мера воздержания..." — не исключено, в силу воздушно-десантного прошлого её автора — в этом отношении весьма выгодно отличается от подавляющего большинства аналогичных мемуаров. Особенно если делать вполне определённые поправки на стиль изложения.

"Я далёк от мысли, что Горбачёв всё делал умышленно... В целом, если отбросить модную сегодня конспирологию, на вопрос о том, что породило все наши беды, я бы ответил одним словом: глупость... Фатальность, сознательной измены на высшем уровне — это уже нечто за пределами... Трудно предположить, чтобы предателями в общепринятом значении этого слова были Горбачёв и Ельцин..."

"Часть новых пассионариев ещё при Горбачёве непонятно каким образом (выделено мной. — Г.С.) успела постажироваться на Западе (Гайдар, Чубайс, Авен, Кох, Б.Федоров и др.)..."

"Поражённый открывшейся ему правдой, член ГКЧП, министр внутренних дел СССР, честнейший Борис Карлович Пуго за день до своего добровольного (выделено мной. — Г.С.) ухода из жизни скажет: "Он (Горбачёв. — Авт.) нас всех предал! Жалко — так дорого купил и так дешево предал. Всех!" В августе-октябре, естество за ним (выделено мной. — Г.С.), при смутных обстоятельствах оборвавшись жизни маршала Советского Союза С.Ахромеева, управделами ЦК КПСС Н.Кручины, его предшественника Г.Павлова, бывшего завсектором США международного отдела ЦК КПСС Д.Лисоволика..."

"За неделю до развала Запад бросил Горбачёву спасательный круг в виде 14 млрд. долларов. Кстати, интересно, куда они делись, и есть ли на них какие-либо финансовые документы?" "Я говорил и сейчас продолжаю утверждать в порядке оправдания, что в то время мы все были зашорены, над нами постоянно висел дамоклов меч военной и партийной дисциплины. Ни один вопрос без согласования со старшим начальником мы не могли решать самостоятельно..."

Как говорили древние римляне, "sapienti sat", то есть "умному хватит". А полузабытому ныне искусству читать написанное "между строк", видимо, всем нам придётся учиться заново — даже не только и не столько в связи с новой книгой Владислава Ачалова, сколько в преддверии новых потрясений для нашей страны.

Но — и это главное! — при чтении "Меры воздержания..." появляется надежда на то, что из кусков разрозненной повсюду исторической мозаики когда-нибудь удастся сложить, наконец, более-менее целостную и понятную невооружённому взгляду картину нашего недавнего прошлого, способную повлиять и на будущее.

Георгий СУДОВЦЕВ

20 января 19.00
Музыкальный Театр поэзии на Петровских линиях (проезд: м. "Трубная", Петровские линии, д.1, напротив гост. "Будапешт")
приглашает на спектакль
"ВДОЛЬ ОБЫСЛА" (Владимир Высоцкий)
Художественный руководитель —
Константин ГУМИРОВ

СТИХИЯ
Андрей ГОЛОВ

СВЕТЛЯЧКИ

Если в келье богомудрого старца,
О смирении сотницу списавши,
Договорит последняя лампада
И свеча последняя догорит —
Ему не придется вполугласа
Забремавшего послушника кликать,
Ибо Божьи светлячки эмге сплетатся
И на кончик пера его воссядут,
Чтобы старец, умиленно воспевае
Чистыми теплыми слезами,
Снова понял, что водит по бумаге
Не своей десницею и волей,
Посему и Источник зорна Света
Никогда его во тьме не покинет.

22 января 18.30

Центральный дом литераторов
(ул. Б. Никитская, 53,
проезд: ст. м. Баррикадная)
Малый зал

Вечер памяти поэта и переводчика
Андрея ГОЛОВА
Вход свободный

ПОДЛИННЫЙ кладовщик не ищет сокровища ради обогащения. Его просто увлекает процесс. В ночь летнего солнцестояния он направляется в заповедные рощи, кои озаряются вспышкой эзотерического Цветка. Найденное сокровище не сулит ему ничего хорошего. В лучшем случае кладовщик ждет смерти.

Истинный Герой не спасает принцессу, дабы возвести её на брачное ложе. Ему претят семейные узы и домашний очаг. Ему нет дела до того, что спасённая дева обернётся драконом, коим и была пленена. Что ему до гибели в пасти роскошного монстра? Взыскующий тайного Знания не надеется на спасение. Его не пленяют сотериологические посулы. Возможны ли гарантии на пути Гнозиса? Не является ли Смерть подлинным Откровением?

Мы не ошибёмся, если скажем, что и клад, и принцесса, и потаённое Знание суть одно. Нечто беспощадное. Пребывающее по ту сторону Жизни и Смерти. Сборник стихотворений сверхагрессивной шедеристики Кати Ганеши "Белокурая бестия" (Магнитогорск, 2010) — одновременно и скрытое сокровище, и каприз принцессы, и вест абсолютной аннигиляции. Псалтирь Пустоты. Белая икона, на коей лики разтворились в экспериментальную лабораторию запредельной и одновременно тотально невинной жестокости. Сей топас несёт смертельное Благоговение всем "пушистым" и "прекрасным".

Белокурая бестия,
Змеекудра пассива,
Рей же всех,
Кто пушистее
И конечно —
Прекраснее!

Стоит ли сомневаться. Разорвёт, безусловно.
Отметим и то, что Katyagressa не нападает без предупреждения. Хотя для неё такая возможность потенциальна. К примеру, ниндзя (настоящий, а не являющийся продуктом made in USA), знает, что "спящий" должен быть убит. Дабы он, "спящий", не реализовал себя и не испортил бы свою карму. Но, в отличие от "воинов ночи", крадущаяся в ночи Хищница жаждет сопротивления, дабы доказать жертве (себе она ничего не доказывает) фантомность самосохранения. А бегство только стимулирует охотничьи инстинкты.

Бегите! Со мною опасно!
Жрец Чёрный всех режет
На Красном.

Умерла!

ГНЕВ ГАНЕШИ

Культура, сие незадачливое дитя профанизма, расстреляна в упор. Огненные змейки пробегают по обуглившимся свиткам. Роскошные хищники празднуют великопленную тризну. Так называемое "культурное пространство" преобразуется в экспериментальную лабораторию запредельной и одновременно тотально невинной жестокости. Сей топас несёт смертельное Благоговение всем "пушистым" и "прекрасным".

Белокурая бестия,
Змеекудра пассива,
Рей же всех,
Кто пушистее
И конечно —
Прекраснее!

Стоит ли сомневаться. Разорвёт, безусловно.

Отметим и то, что Katyagressa не нападает без предупреждения. Хотя для неё такая возможность потенциальна. К примеру, ниндзя (настоящий, а не являющийся продуктом made in USA), знает, что "спящий" должен быть убит. Дабы он, "спящий", не реализовал себя и не испортил бы свою карму. Но, в отличие от "воинов ночи", крадущаяся в ночи Хищница жаждет сопротивления, дабы доказать жертве (себе она ничего не доказывает) фантомность самосохранения. А бегство только стимулирует охотничьи инстинкты.

Бегите! Со мною опасно!
Жрец Чёрный всех режет
На Красном.

Умерла!

Бегите! Бросайте знамёна!
Жрец Красный всех режет
На Чёрном.

Сей сборник можно поименовать примуром сверхагрессивности. Каждое стихотворение — инвокация нечеловеческих энергий. Каждая рифма — змеиный узор окончательного и неподдающегося обжалованию приговора.

Снежинками Смерти летая,
Я буду всегда — на Краю!
Я Ангелов книги листаю,
Но... Змея Узор узнаю.

А ещё сей сборник является бестиарием, на страницах коего царственный походкой выступают львы, калечат друг друга влюблённые богомолы, тигры воли замирают в готовности фантомного прыжка. И какой же бестиарий без единорогов?...

Единорог —
Дракона Страшный Ход:
Фигуры Смерти
Двинулись на...

Оборот!

И, безусловно, послание Кати Ганеши, подобно посланию германского мыслителя, предназначено "для всех и ни для кого". Только Катя Ганеши идёт дальше. Её Воля к Власти отменяет, очевидно, и Сверхчеловека.

И тех, кто не захочет
Богини! Властью сплать
Львице подобно разорвёт
На части Мать.

Считается, что Ганеша, Бог удачи и преодоления препятствий, не имеет гневных воплощений. Что он бесконечно благодетен. Однако мне всё же как-то довелось созерцать гневную форму сего слоновоголового Божества. Послание Кати подтверждает существование сих проявлений. Бедь Katyagressa не только Ганеша, но, по существу, самая гневная его ипостась. Так что слушайте кланяние очаровательных бивней. И знайте — они не оставляют вам ни малейшего шанса.

Сергей ЯШИН